

КОМУ ЖИТЬ НА РУСИ ХОРОШО

(ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ)

В 662 No "Нового времени" г. Незнакомец, рассказывая о своем знакомстве с покойным Н. А. Некрасовым, говорит между прочим о том, что Николай Алексеевич возлагал большие надежды на свою поэму "Кому на Руси жить хорошо" и сожалел, что болезнь не дает ему окончить этого труда, сожалел потому, что именно теперь, в дни недуга, весь ход поэмы выяснился ему как нельзя лучше и шире. "Начиная (поэму), - говорил Николай Алексеевич, - я не видел ясно, где ей конец, но теперь у меня все сложилось, и я чувствую, что поэма все выигрывала бы и выигрывала"...¹

Об этой поэме раза два приходилось беседовать с Николаем Алексеевичем и пишущему эти строки. Действительно, Николай Алексеевич много думал над этим произведением, надеясь создать в нем "народную книгу", то есть книгу, полезную, понятную народу и правдивую. В эту книгу должен был войти весь опыт, данный Николаю Алексеевичу изучением народа, все сведения о нем, накопленные, по собственным словам Николая Алексеевича, "*по словечку*" в течение двадцати лет.

Однажды я спросил его:

- А каков будет конец? Кому на Руси жить хорошо?

- А вы как думаете?

Николай Алексеевич улыбался и ждал.

Эта улыбка дала мне понять, что у Николая Алексеевича есть на мой вопрос какой-то непредвиденный ответ, и, чтобы вызвать его, я наудачу назвал одного из поименованных в начале поэмы счастливцев.

- Этому? - спросил я.

- Ну вот! Какое там счастье!

И Николай Алексеевич немногими, но яркими чертами обрисовал бесчисленные черные минуты и призрачные радости названного мной счастливца.

- Так кому же? - переспросил я.

И тогда Николай Алексеевич, вновь улыбнувшись, произнес с расстановкой:

- *Пья-но-му!*

Затем он рассказал, как именно предполагал окончить поэму. Не найдя на Руси счастливого, странствующие мужики возвращаются к своим семи деревням: Горелову, Неелову, и т. д. Деревни эти "смежны", стоят близко друг от друга, и от каждой идет тропинка к кабаку. Вот у этого-то кабака встречаются они спившегося с кругу человека, "подпоясанного лычком", и с ним, за чарочкой, узнают, кому жить хорошо.

Это окончание поэмы в литературных кругах известно, по всей вероятности, не мне одному. Сообщаю его для провинциальных читателей.

Примечания

Глеб Иванович Успенский (1843--1902) так же, как и Некрасов, пережил период мытарств, разочарований, нужды и одиночества; лишь с конца 60-х годов, по его словам, он стал ощущать "нравственную поддержку добрых и симпатичных" людей (Г. И. Успенский. Полное собр. соч., т. XIV, Изд-во АН СССР, 1954, стр. 577). Среди этих людей был Некрасов, заметивший тогда "очень бедного, очень деликатного и очень даровитого литератора" (XI, 82).

С 1865 года Успенский сотрудничал в "Современнике", а затем в "Отечественных записках", до их закрытия. Все основные произведения писателя, написанные в 70-е и в начале 80-х годов, были опубликованы в этом журнале. Некрасов поддерживал смелый, горький и близкий ему по демократическому духу талант Успенского.

Документы, рассказывающие о личных взаимоотношениях Некрасова и Глеба Успенского, очень скупы. В письмах Успенского, свидетельствах современников зафиксированы эпизоды, связанные главным образом с денежными просьбами, расчетами и т. п. Постоянно нуждаясь, Успенский часто просил Некрасова "одолжить" в "счет будущей части" рассказа столько-то рублей. "Необычайно выразительна была его фигура в дни приема в квартире Некрасова на Литейной в доме Краевского, - вспоминал П. Д. Боборыкин, - Успенский в приемной комнате (где стоял одно время и бильярд) ходил в сторонке, сильно озабоченный, со складкой на лбу и усиленным подергиванием бородки, и тревожно взглядывал на дверь во внутренние комнаты, откуда -должен был появиться Некрасов.

В следующей комнате (где в ящик подзеркальника Некрасов имел привычку класть свой крупный выигрыш) бедный Глеб Иванович подолгу ходил в ногу с Некрасовым и, разумеется, просил новый аванс" (П. Д. Боборыкин, Милая тень. - (Русское слово, 1908, No 129). "Все пишу о деньгах - как мне это наскучило - ужас" (Г. И. Успенский, Полное собр. соч., т. XIII, 1951, стр. 180). Также стеснительно и робко Успенский просил Некрасова "извинить" его за "медленность" в работе, предварительно посмотреть его рукопись и т. д. Некрасов обычно внимательно относился к его просьбам. "Некрасов дал мне долгу 300 рублей, - писал он в марте 1869 года, - и зачеркнул 210 рублей долгу, который оставался от "Современника". "Что Вы, - сказал он мне, - за несчастный, что одни будете принимать долг "Современника"? Кругом Вас люди, которые должны мне в тысячу раз больше, - и не думают об этом долге... Я Вам его зачеркну". И зачеркнул" (там же, стр. 54).

В издательских, журнальных делах Некрасов был для Успенского непререкаемый авторитет. "Если бы Вы были так добры, что заглянули бы ко мне, я бы показал Вам имеющиеся материалы, что печатать и что нет, - это необходимо сделать при Вашем содействии", - писал Успенский в апреле 1874 года, когда возник разговор об издании его сочинений (там же, стр. 133).

Глеб Успенский ценил Некрасова и как поэта. В. В. Тимофеева-Починковская вспоминала одну из встреч с Успенским в начале 70-х годов: "А знаете, Варвара Васильевна, - обратился он вдруг ко мне. - Я сегодня долго проговорил с Некрасовым... Какие у него удивительные глаза! Просто заворожил он меня сегодня... Вот где именно можно сказать его же стихами...

Так осенью бурливее река,
Но холодней бушующие волны!

Он прочитал эти два стиха вполголоса, просто, как будто думал вслух и сам задумываясь над глубиной сокрытой в них мысли. Ни прежде, ни потом, никогда не слыхала я никаких лирических звуков от Глеба Успенского. Он точно стыдился или пренебрегал поэзией..., И вдруг стихи - момент лирического экстаза! <...>

"Необыкновенный это человек! - задумчиво прибавил он опять о Некрасове. - Я с ним без волнения говорить не могу... И что мы такое пишем? Зачем? Все мы вообще?... А вот он... Одним взглядом всю душу перевернет... все внутри заработает!" ("Минувшие годы", 1908, No 1, стр. 123--124). Н. К. Михайловский также сохранил в памяти эпизод, подтверждающий любовь Успенского к Некрасову. "Мне, - писал он, - вспоминается один вечер или ночь зимой 1884 или 1885 года. Я жил в Любани, ко мне приехали из Петербурга гости, большей частью уже не молодые люди, в том числе Г. И. Успенский. Поговорили о петербургских новостях, о том, о

сем; потом кто-то предложил по очереди читать. Г. И. Успенский выбрал для себя "Рыцаря на час". И вот: комната в маленьком деревянном доме; на улице, занесенной снегом, мертвая тишина и непроглядная тьма: в комнате, около стола, освещенного лампой, сидит несколько человек, повторяю, большей частью не молодых; Глеб Иванович читает; мы все слушаем с напряженным вниманием, хотя наизусть знаем стихотворение. Но вот голос чтеца слабеет, слабеет и - обрывается; слезы не дали кончить..." (Н. К. Михайловский, Отклики, т. II, Сб. 1904, стр. 38).

Успенского возмутили статьи Е. Белова (*СПб. вед.*, 1878, No 8), одного из сотрудников тифлисской газеты "Обзор" (1878, No 2), отрицавших оригинальность и значимость поэзии Некрасова. Полемизируя в статье "Опять о Некрасове!" с Е. Беловым, реакционной и либеральной прессой, Успенский видел заслугу Некрасова в том, что он мог "так определенно направить ум и сердце нарождавшегося поколения" ("Обзор", 1878, No 27). "Это русский человек весь как на ладони, - писал Успенский там же, - и к тому же громадный и именно русский поэт. Его место не в храме русской славы <...>, а там, где живет и целыми гнездами залегает русская печаль, плач, скрежет зубов..." Эта же мысль выражена и в его воспоминаниях о своем разговоре с поэтом по поводу возможного финала поэмы "Кому на Руси жить хорошо".

Воспоминания были написаны Успенским для газеты "Пчела" и там же впервые опубликованы (1878, No 2, 8 января, Приложение).

Печатается по изданию: Г. И. Успенский, Собр. соч. в девяти томах, т. 9, Гослитиздат, М. 1957, стр. 70--71.

¹ Стр. 374. Цитируются воспоминания А. С. Суворина, напечатанные в фельетоне "Недельные очерки и картинки" в 1878 г. См. стр. 344.